

Воскресенье, 24 июня
Беременность: 7 недель

ТУК ТУКТУК ТУК ТУК. ТУК. ТУК.

В общем, сижу я вся из себя такая голая на месте преступления, на нервах, на стреме и верхом на трупе. Он с ног до головы в моем ДНК, так что, даже если бы я сейчас перевалила его через балконную ограду и сбросила на ряд припаркованных внизу хетчбэков, меня бы неизбежно вычислили.

ТУК ТУКТУК ТУК ТУК. ТУК. ТУК.

— Господи, ну и громко же стучат эти полицейские. Ладно ладно ладно ладно думай чтоделатьчтоделатьчтоделать?

Тюрьма — это железное «нет». Я смотрела «Оранжевый — хит сезона». Я все это лесбиянство не вынесу. На вид изнуряюще.

ДА ОТКРОЙ ЖЕ ТЫ ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ!

— Ну ладно, похоже, ничего другого не остается, да?

Я накидываю халат и на цыпочках подхожу к двери спальни. Снова стучат, и я подскакиваю в воздух, наверное, на целый фут.

Мамочка, ты совсем, что ли? Речь ведь не о тебе одной, алё. Обо мне не хочешь подумать? Открой дверь и скажи, что сейчас их принять не можешь.

— Ага, представляю, в каком они будут восторге! «Сержант, простите, вы не сбегаете за парой пончиков, пока я тут быстренько избавляюсь от трупа, с которым спала, а потом — конечно-конечно, заходите в этих ваших резиновых перчатках и ройтесь тут в свое удовольствие»? Ничего не выйдет, ты, Плод-Недомерок.

ТУК ТУК.

Так, слушай, все, их стучание меня окончательно достало, просто иди и открой дверь. Что-нибудь придумаешь.

Признаюсь, я бы вконец растерялась, если бы не этот тоненький голосок, который звучит откуда-то из глубин моей матки и подсказывает, что надо делать. Я прокралась на цыпочках по холодному полу.

ТУК ТУК ТУК.

В голове заматались слова «дерьмо» и «по уши» — и ноль идей, как из этого всего выгребать.

— Черт черт черт черт черт черт черт ЧЕРТ!

Вообще, тупая была идея убивать его здесь. О чем я думала? Наверное, начинается «мамнезия». Лично я теперь все буду валить на нее.

Не вздумай это дерьмо на меня вешать!

Как я, интересно, планировала вытащить австралийского мужика-тинейджера ростом шесть футов из квартиры, проводочь по коридору, спустить на два этажа, потом через всю парковку и уж только потом затолкать в свою крошечную машинку так, чтобы этого не увидел кто-нибудь, кому больше всех надо и у кого нюх на мертвецов?

А надо было меня послушаться и разрезать его на куски!

Хорошо еще, что Эй Джей разлагается медленно: перед тем как уехать на холостяцкий девичник на выходные, я выпустила из него над ванной всю кровь. Это замедляет процесс. Однажды я через складское окно видела, как это делал папа — ну, не один, с товарищами в балаклавах.

Так что я не просто хорошенькая дурочка, ну? *подмигивающий смайлик*

Вот только, как ни крути, сердце бешено колотится, в рту пересохло, и дела обстоят так, как они обстоят. Спасения нет. Стук в дверь прокатывается эхом по квартире еще разок, я набираю побольше воздуха в легкие, подготавливаю лучшее свое лицо из серии «потрясение и печаль» и открываю дверь квартиры.

А это пришла миссис Уиттэкер.

Выдыхаю из легких весь воздух, который успела набрать. Обычно соседка-клептоманка, которая с каждой нашей встречей альцгеймерит все сильнее, бесит меня своими непрошеными визитами так, что я из трусов выскакиваю, но сегодня я готова расцеловать ее в усаые губы!

— Здравствуй, Ребекка, — говорит она.

Меня зовут Рианнон, но все вечно зовут меня кто во что горазд. Это началось еще в школе. Даже когда я прославилась, редкий новостник был в состоянии написать мое имя без ошибок. Да я все понимаю: люди тупые. Старуху Уиттэкершу я сегодня прощаю уже хотя бы за то, что на ней нет латексных перчаток и она не размахивает у меня перед носом ордером на обыск.

— Я тут собралась в город за покупками и подумала, может, тебе тоже что-нибудь нужно? Мужик-то твой сейчас в отъезде.

Подразумевается, что сама я, будучи бабой, ни на что не гожусь. Как мило. Она смотрит мне через плечо, глазки, как обычно, бегают по всей комнате: ей явно хочется войти и порыскать тут в поисках *objets d'art*¹, которые плохо лежат.

.....

¹ Предметы искусства (*фр.*). — Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчицы.

— О, вы так добры, миссис Уи, — говорю я и осторожно выглядываю в коридор. Не поднимаются ли уже копы по лестнице? Нет, ничего и никого.

У меня мелькает мысль поручить старушке купить бесшумную электропилу «Дайсон», но я понимаю, что это вызовет слишком много вопросов.

— Да вроде бы у меня все есть, спасибо.

— Когда твой парень возвращается? Он, кажется, во Франции?

— Нет, в Голландии. Поехал смотреть футбол. — Нет времени рассказывать ей во всех подробностях о том, как Крейга там сначала арестовали, а потом предъявили обвинение в трех убийствах, которые на самом деле совершила я, так что я ограничиваюсь коротким: — Отлично проводит время, видел деревянные сабо и все такое.

— Тебе, наверное, так одиноко без него в квартире. Уж я-то знаю — когда мой Джон умер...

Она три минуты нудит на тему того, как долго приходила в себя после смерти мужа, и я вставляю в нужных местах «М-м-м» и «О-ох», а голова тем временем работает как сумасшедшая. Когда она наконец уйдет? Когда явится полиция? Где мне его пилить?

И вот, пока я стою, на поверхности моего клокочущего котелка наконец надувается пузырек идеи.

Ведь миссис Уиттэкер уходит. Ее квартира будет пустовать не один час.

Если удастся перетащить тело Эй Джея вниз, в ее квартиру, *моя* квартира будет готова к приходу полиции. Если это моя спасательная шляпка, то в ней, конечно, куча здоровенных пробоин, но дырявой шляпке в зубы не смотрят, правильно? Так что я берусь за весла.

— Ну что ж, пойду я тогда ловить автобус, — говорит она.

— Ой, вы знаете, вообще-то мне все-таки кое-что нужно, если вы не возражаете, — говорю я. — Сейчас напишу список. Вы пока входите.

А ее хлебом не корми — дай порыться в моих штучках-дрючках.

Я паркую старушку в гостиной, а сама бросаюсь в кухню и нахожу под мойкой бутылку масла для жарки. Срываю пломбу и выливаю содержимое в отверстие раковины. Слышу через стену, как миссис Уиттэкер блуждает по комнате, приговаривая, как у нас тепло из-за того, что полы с подогревом. Толстые каблуки цокают в направлении проигрывателя для пластинок.

— Итак, — говорю я, возвращаясь в гостиную с пустой бутылкой, за которой по полу тянется масляный след.

Соседка копается в коллекции Крейгова винила, вытаскивает *Listen Without Prejudice*¹ и пытается скovyрнуть наклейку магазина HMV, которая там с тех пор, как Крейг купил пластинку. Меня и бутылку она не видит.

— Мне, в общем-то, только масло. Закончилось.

— Рапсовое масло, — читает она, нахмурившись, возвращает Джорджа обратно на полку, берет у меня бутылку и щурится на этикетку. — Где такое продается?

— Там же, где все растительные масла. Если не найдете, ничего страшного...

— О, нет, обязательно найду. Люблю сложные задачи, — говорит она и улыбается во все зубы — я даже опасаюсь, как бы у нее изо рта не выскочил протез. — Я никогда на таком не жарила.

— Оно очень полезное, — говорю я, тайком поглядывая в текст на этикетке. — Насколько я знаю, из всех видов

.....

¹ «Слушайте без предубеждения» (англ.) — альбом британского поп-певца Джорджа Майкла 1990 года.

растительных масел в нем самое низкое количество насыщенных жирных кислот, а еще в нем нет искусственных консервантов, оно приготовлено с заботой о коровах и все такое.

— Звучит чудесно, — снова улыбается старушка, пока я провожаю ее к выходу из квартиры. — Может, и себе тоже возьму. Если на нем картошку жарить, привкуса странного нет?

Она проходит вперед и наконец попадает ногой прямо в мою масляную ловушку...

ШАРАХ

Уиттэкерша обрушивается на пол, как священник-извращенец, увидевший детсадовца, но, к моему превеликому огорчению, головой она не бьется. Я быстренько подключаюсь и поправляю дело вручную: хватаю ее за уши и как следует долблю черепом об пол, чтобы она потеряла ориентацию.

— О-ох! Ох! Ой-ой-ой! Что со мной случилось? Голова! О-о-ой, рука! Где я? — бормочет старушка и машет руками и ногами, как перевернутая черепаха.

— О боже мой, держитесь, все в порядке, — говорю я, набирая телефон службы спасения. — Вы, наверное, поскользнулись. Сейчас уложу вас в безопасное положение...

— Ох, как больно. А-а! Ой! А-а-а-ай!

— Все нормально, больно — это хорошо. Если болит, значит, скоро пройдет.

Уложив ее набок поудобнее (насколько это возможно) и включив фильм, который идет по телевизору, — «Бедовую Джейн», — я отправляюсь в спальню и заворачиваю своего тайного возлюбленного в простыню, на которой он лежит мертвее мертвого. Опускаю его на ковер — раздается глухой удар.

— Что там такое?

— Да я тут уронила кое-что, — говорю я затылку Уиттэкер, волоча у нее за спиной по полу гостиной тело Эй Джея.

Дорис Дэй отплясывает на барной стойке. Ну двинутая, реально.

Уиттэкер пытается на меня оглянуться.

— Детка, мне так больно...

— Ой-ой, ну-ка не шевелитесь, миссис Уи. Скорая уже выехала. С вами все будет в порядке, главное — лежите спокойно. Кто знает, вдруг у вас перелом, м-м... примулы.

Не смогла вспомнить название кости. Чертова мамнезия.

Перестань все валить на меня. Ты сама эту кашу заварила!

Взмокшая, как свиная котлета, я вытаскиваю этот человеческий фахитас за дверь, волочу его вниз, к квартире миссис Уиттэкер, и едва успеваю затолкать внутрь, как в коридоре раздается торопливое шлепанье ботинок. Поднимаю голову и вижу, как в мою сторону несется с распростертыми объятиями Джонатан Джеррамс.

— Рианнон! — вопит он и врезается в меня на полном ходу.

Вслед за ним подтягиваются старики, мистер и миссис Джеррамсы, и рассыпаются в извинениях.

Джонатан сам себя назначил моим «самым лучшим другом в мире» — из-за услуги, которую я ему оказала два с лишним года назад. Спасла ему жизнь. Ну, типа. У нас тут раньше рядом с домом болтался какой-то тип без определенного места жительства, обзывал жильцов, опрокидывал мусорные баки, воровал велосипеды. Чтобы нагонять на людей страх, он носил свинячью маску — я прозвала его за это Ноториус Хряк. Ну и, в общем, Джонатана этот Хряк доставал просто безбожно, потому что у Джонатана синдром Дауна и из него можно легко вытряхивать деньги. Однажды, когда Джонатан возвращался после кормления уток (одно из немногочисленных самостоятельных путешествий, которые ему позволяют родители), Хряк

швырнул ему в голову яблочный огрызок — и случилось это у меня на глазах.

А у меня такое правило: защищать беззащитных. Так что, собственно, и выбора-то у меня никакого не было.

Сразу после полета огрызка я подошла к Хряку, содрала с его лица маску и заорала: «Если ты не исчезнешь, я явлюсь к тебе под покровом ночи и отрежу к чертовой матери твое настоящее лицо!» Ну там в глаз ему плюнула, все как полагается. И тарашилась на него до тех пор, пока он не отвел взгляд, сел на свой велосипед и укатил прочь, хохоча, — как будто ему плевать. Но ясно ведь было, что ему совсем не плевать. Мы его с тех пор больше никогда рядом с нашим домом не видели.

Джонатан после этого случая без конца оставлял у меня под дверью подарки, присылал всякие открытки и цветы, но потом Крейг меня приревновал и попросил соседа с этим кончать. Теперь он просто крепко меня обнимает и выкрикивает через парковку признания в любви.

— А мы в зоопарк идем, да, в зоопарк! — говорит Джонатан и раскачивается в такт мелодии, которую слышит только он один, штанины его брюк трепещут на сквозняке.

— Здорово, — отзываюсь я, утирая пот с лица рукавом халата.

— Я люблю зверей, да, люблю!

— Ага, я тоже. Они классные, скажи?

Супруги Джеррамсы вдруг смеются безо всякого повода.

Джонатан тыкает в дверь Уиттэкерши своими неловкими пальцами.

— Что там?

— Я поливаю цветы миссис Уиттэкер. Она попала в больницу.

— О боже, — отзывается миссис Дж. — Что с ней случилось?

— Упала.

Джеррамсы легко принимают это на веру. Уиттэкерша — настоящий падун и еле держится на ногах, особенно на лестнице вечно опрокидывается. Большинству жильцов уже и прежде доводилось затаскивать ее дряблую задницу на второй этаж. Это у нас тут что-то вроде обряда инициации.

— А где твоя собака? — кричит Джонатан, стоя от меня в двух футах.

— Дзынь сейчас гостит у родителей Крейга, — говорю я ему.

— Нравится моя футболка?

Он расстегивает куртку и демонстрирует мне футболку с «Челюстями», под которой отчетливо выпирает живот, а чуть ниже горловины красуется пятно от болоньезе. Почему люди, которые заботятся об инвалидах, не могут одевать их в нормальные вещи? Вечно покупают дешевые ботинки на липучке и застиранные тряпки из секунда не по размеру. Акула на майке уставилась на меня, сверкая зубами. Зубного камня, в отличие от Джонатана, у акулы не было.

— Класс, — говорю я. — Носи на здоровье, Джей-Джей.

С меня по-прежнему градом катится пот, как будто я на хот-йоге для похудения, хотя на самом деле всего-то стою и разговариваю, а тем временем у меня в одной квартире разлагающийся труп, а в другой — пенсионерка с переломами, и с минуты на минуту сюда явится отряд полицейских-криминалистов. Я уже начинаю прощаться, когда вдруг понимаю, что халат у меня слегка распахнулся и сиськи выглядывают из укрытия в поисках жертвы. Старый Джеррамс от них глаз оторвать не может. Должна признаться, меня саму начинает пробирать не по-детски, когда я поднимаюсь обратно к себе, а он смотрит, задрав голову, мне под халат.

— Рейчел, что ты делаешь? — выкрикивает миссис Уиттэкер, и я от страха чуть не падаю замертво.

Я уже и забыла, что она всё лежит здесь с включенной «Бедовой Джейн». Дорис и еще какая-то размалеванная девка поют о том, что у женщин вечно дел невпроворот.

Вот тут ты прямо в точку, Дорис.

— Ходила посмотреть, не видно ли скорой, — говорю я, вытирая масляную лужу тряпкой с хлоркой. — Вы там полежите еще немножко, пока я переоденусь?

— Конечно, милая, не обращай на меня внимания, занимайся своими делами.

Я перестилаю постель, переворачиваю матрас, опрыскиваю спальню освежителем воздуха и открываю оба окна. Переодевшись, возвращаюсь в гостиную, сажусь рядом с миссис Уиттэкер и вместе с ней смотрю еще немного «Бедовой Джейн», пока не приезжает скорая.

— Цветы ваши я буду поливать, не беспокойтесь! — кричу я вслед Уиттэкер, пока ее заносят на носилках в лифт. — И Бетти позвоню. Обо всем позабочусь!

Проходит буквально несколько минут после отъезда скорой помощи, как подтягиваются полицейские. Я стою на балконе и жую батончик «Дайм». Трое в костюмах — чернокожая женщина с тугим пучком и двое мужчин: один высокий, светловолосый и очень прямой, а второй похож на маленького толстяка из «Бриолина» (который, кстати, опоздал с ролью старшеклассника примерно лет на сорок). Настает очередь мне надевать маску обманутой девушки, чей парень оказался серийным убийцей.

Не зря я смотрела на YouTube кучу документалок из серии «Крокодиловы слезы». Теперь их рекомендации разом всплыли в памяти, как всплывает курс по оказанию первой помощи, когда тебе вдруг срочно нужно помочь кому-то, у кого травма. Не то чтобы я когда-нибудь помогала людям с травмой. Или когда-нибудь буду помогать, если уж на то пошло.

Ключевые моменты, как перехитрить полицию, я запомнила. Вот они:

1. Сильные эмоции на лице — прямой путь за решетку.
2. Минимум жестов. Потираешь себя по лицу — значит, пытаешься успокоиться / врешь. Естественные проявления — это неподвижность / потрясенный вид.
3. Рукопожатие. Хорошо, если удастся его срежиссировать. На мою удачу, руки у меня дрожали как следует: работал адреналин после бешеной беготни с перепрыгиванием трупов и нанесением увечий пенсионерке.
4. Заготовленный текст. Чем меньше, тем лучше. Каждый идиот, который убил жену и пошел в телевизор умолять о помощи, «чтобы поймать мерзавца», раз за разом совершает одну и ту же ошибку: речь всегда слишком отрепетирована. Ложь следует класть слоями между ломтиками правды: я была на холостяцком девичнике, Крейг действительно звонил мне туда из Амстердама и сообщил, что его арестовали, он действительно время от времени курил траву, чтобы расслабиться. А уж потом — ложь.
5. Сотрудничество. Надо без тени сомнения выполнять каждую их просьбу.

Расследование ведет инспектор Ннеди Жерико из отдела раскрытия особо тяжких преступлений в Бристоле вместе с сержантом Пузаном из «Бриолина». Блондин надевает перчатки и рыщет по квартире. Им пришлось дожидаться ордера на обыск — вот, видимо, почему они сюда так долго добирались. Слава тебе, мать твою.

— Делайте все, что нужно, — говорю я, вся такая по-прежнему не желающая верить в происходящее, пребывающая

в невыразимом потрясении и вращающая кольцо на безымянном пальце.

Я сообщаю им, что беременна и у меня высокое давление — наполовину правда, которая нужна, чтобы они обращались со мной как с хрустальной вазой. Срабатывает на ура.

— Мы постараемся побыстрее, вам сейчас и без нас нелегко, — говорит Жерико.

— Просто поверить не могу, — в который раз произношу я. — Пожалуйста, скажите, что все это просто страшная ошибка.

Что я всегда умела делать прекрасно, так это плакать по требованию. Я с ранних лет уяснила, что, когда подключаешь к делу слезы, люди немедленно смягчаются. Конечно, рыдать в три ручья не надо, так — пару раз всхлипнуть в нужный момент, пока сама смеешься.

Разумеется, внутренне.

— Я знаю его четыре года, — подвываю я. — Я с ним живу. Сплю с ним в одной постели. У меня от него *ребенок*! Как он мог убить трех человек так, чтобы я об этом ничего не знала? Это же бред какой-то.

— Налить вам воды? — предлагает Жерико, подавая знак блондину на кухне. У нее на левой руке не хватает пары пальцев, вместо безымянного и мизинца — обрубки.

Интересно, обнаружат ли они брызги крови Эй Джея в швах между плиткой. Их можно разглядеть, только если специально искать. А это ведь не место преступления.

Пока.

— Сколько времени это займет? — спрашиваю я, и стакан дрожит в моей адреналиновой хватке.

Сержант Пузан из «Бриолина» говорит, что это займет «столько, сколько нужно». Какое счастье, что я плачу налоги, чтобы ему выдавали дешевые штаны — прикрыть задницу.